

МАСТРО

ВСЕШ ЭТОТ ДЖАЗ

26 декабря в Санкт-Петербургской филармонии джазовой музыки состоялся юбилейный концерт ансамбля Давида Голощекина, народного артиста России, почетного профессора РГПУ им. А.И. Герцена.

Этот день ансамбль Давида Голощекина исполнил 50 лет: свою историю музыкальной коллектив начал в 1968 году. Открывая праздничный концерт воспоминаниями о Давиде Голощекине и Владимира Фейертага — советского и российского музыканта и музыковеда.

Клоников джаза, так и свои новые, еще не звучавшие, авторские композиции. Второе отделение концерта было посвящено современной жизни коллектива. Движущим элементом в играх ансамбля Давида Голощекина и его коллег по сцене (фортепиано), Гасан Багиров (гитара), Вадим Михайлов (контрабас), Виктор Щербин (ударные), Юлия Касьян (вокал).

«ЦЕННОСТЬ ИСКУССТВА – В ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ»

– Дмитрий Анатольевич, Вы родились в семье художников и росли в творческой среде. Можете сказать, что это определило Вашу судьбу?

– Наверное, да. Если бы я родился в семье представителях других профессий, я бы мог просто не знать, что существуют холст, краски. И не знаю, увлекло бы меня рисование, если бы не папа с мамой.

– Когда вы поняли, что хотите быть художником? Можете быть, Вам запомнились какой-то конкретный момент из детства?

– Такого конкретного момента не было. Скорее, я шел по пути наименьшего сопротивления. Пошел в среднюю художественную школу (СХШ), и пока учился там, понял, что ничего другого уже не выберу. Поэтому дальше стал учиться.

– Вы помните свои первые детские рисунки? Что Вам больше нравилось рисовать?

– Удивительно, но я не помню, что мне нравилось рисовать. Но мне запомнились один случай в художественной школе: когда я учился в 5 классе, я хулиганил – брызгал какие-то дела на бумаге. Преподаватель заметил это и сказал мне: «Что это у тебя такое, Левитин?» А я перепугался и отвечаю: «А это Садко!» Вот так родилась композиция «Садко» – вот ее и помню.

– Вы поступили в СХШ в первый класс?

– Нет, сначала родители отдали меня в кружок рисования при Дворце пионеров. Там мне особенно запомнился преподаватель по фамилии Левин. Он был хорошим педагогом, прививавшим живой интерес к рисованию; он водил нас гулять, учил наблюдать, потом мы приходили с прогулки и рисовали пейзажи по памяти. Нечасто встретишь таких талантливых учителей.

– С поступлением в художественную школу у Вас начался новый, особый период. Вы быстро нашли новых друзей в новом окружении, или Вам понадобилось на это время?

– В 5 классе, когда я поступил в СХШ, я, в общем-то, был еще маленьким, и я не помню, чтобы были проблемы с общением. Быстро, наверное. У нас были ребята из интерната, приехавшие из разных городов, комарианские, вельские. И так получилось, что я больше дружил с «интернатскими».

– Были ли учителя в СХШ, которые помогли найти направление в творчестве?

– Я думаю, направление в творчестве не выработается ни в 15, ни в 20 лет, в самом собой. Художники хотят как можно скорее найти себя в творчестве, берут напрокат чужое. Сейчас мне 64 года, и я могу сказать, что только лет 15 как я понял, что не надо себя стесняться. А по окончании школы или университета ты вряд ли имеешь собственны стили. Или что-то в тебе затыкает напрокат, или ты гений, как Серов. Одно из двух.

– Папа с мамой помогли в Вашем творческом пути?

– Да. Они делали это очень надзорно. Когда я учился в университете, система преподавания у родителей была такая. Показываю портрет, папа говорит: «Молодец, сыночек! Хорошо! Только нос не на месте, ухо опущено, фон не попал, руки плохо нарисованы, под платком костей и торса нет. А вообще молодец!» Обязательно нужно найти что-то хорошее в работе, иначе убьешь интерес.

– В детстве Вам выпадала возможность бывать на плезане вместе с родителями?

– Конечно. Меня мама с папой возили на Академическую дачу (дача при Академии художеств – прим. авт.) с трех лет. Но сейчас я не очень люблю вспоминать это время; я, как все нормальные дети, хотел гулять, играть в футбол, волейбол, гонять по дорогам, собирать грибы, а не рисовать какие-то пейзажи. Зато я сделал из этих уроков важный вывод: не стоит заставлять ребенка посвящать слишком много времени тому, к чему у него на данный момент не лежит душа. Научить его что-то делать хорошо всегда можно, но если ему нечего сказать в своей работе, это просто ни к чему.

– В детстве пробавали рисовать с натурой вместе с родителями?

– Это очень трудно, потому что у них был свой взгляд, а у меня – свой. Иногда, когда они что-то поправляли в моей работе, я уже не мог писать ее дальше. Когда я подросток, заметил, что советские – это хорошо, но когда они объяснили, как бы сделали они, работы выходили

Дмитрий Левитин в мастерской. 2018

«Полубое утро», холст, масло, 1993.

жизне, чем если бы я писал сам. Искусство – это индивидуальная точка зрения на мир. Если я буду смотреть на работу чужими глазами, искусство кончится. А в этом и есть его ценность, что каждый индивидуален и неповторим.

– Это сложно – не потерять это свое видение, когда тебя учат другие...

– Да, очень часто человек боится быть самим собой и начинает делать по образцам. Думает: «Дай-ка я попробую рисовать, как этот художник», – и все! Человек стесняется быть самим собой и слепо копирует других авторов...

– Во время учебы в художественной школе у Вас были другие увлечения? Какие?

– Я занимался плаванием. Тренеровки были ежедневными. Когда я уже был на первом курсе института, мне старший тренер Александр Михайлович сказал: «Дима, такой возраст, пора показывать результаты. Один раз в день тренироваться мало, надо два». Вот на этом мое плавание закончилось. И я плавал только в секции института, раз в неделю. Все тренировки совмещать с живописью просто невозможно. Раньше не было названия «профессиональный спорт», но он уже начинал появляться, и от тебя уже требовали чего-то большего.

– В чем Вы преуспели, участв в художественной школе? Это были натюрморты, пейзажи или же композиции?

– Вопрос сложный. Я выполнял учебные задания, все было интересно писать, будь то натюрморт или портрет. Надо сказать, что осознание понимания, как такое учебное дело у меня только в институте. До этого время я не мог прийти к тому, что от меня действительно требуется. Летом я привозил после практики в СХШ 2-3 этюда и только в последние дни перед учебой соображал, что у меня ничего нет. Потому что все свободное время играл в футбол, волейбол, занимался плаванием. Только на втором курсе института я вдруг понял, что треть института прочую и ничего еще не сделал. Подросток, видимо.

– Следующим этапом Вашей жизни стала Академия художеств. Вам приходилось много работать с утра до вечера в стенах Академии. Как Вы считаете, важно самому найти технику исполнения или все же педагог должен направлять студента?

– Мы снова возвращаемся к вопросу об индивидуальности художника. Академия художеств – это школа со своими требованиями. У всех работы похожими не могут быть, потому что у всех разный темперамент, разное цветоведение, разные понятия о композиции. Как на первых курсах музыкальной школы или училища играют гаммы, так и здесь: надо написать чайничек материально, скомпоновать натюрморт, нос на место, поставить блик на глаз. Вот и все. От индивидуального почерка не уйти, и преподаватели это понимают, но поправлять они все равно должны – такая у них работа.

– Были педагоги в Академии художеств, которые повлияли на Ваше становление как художника?

– У меня был очень хороший преподаватель Александр Дмитриевич Зайцев, который никаких высокопарных слов не говорил. Основная мысль его была такая: «Ребятка, я вас должен научить, а дальше вы сами выбираете свою путь. Я вас должен научить видеть, «поставить глаз», как говорится». Александр Дмитриевич выпустил таких художников, как Егшин, мои родители, Юрий Тулин, Алексей Еремин и многих других. И все разные. Сейчас не секрет, что в академии учат каким-то общим приемам, и они все похожи между собой. За что спасибо Александру Дмитриевичу – он не давил, не учил приемам, он учил тому, как смотреть на мир.

– Дмитрий Анатольевич, говорят, что студенческие годы – самые лучшие. Вы согласны? Остались ли у Вас какие-то яркие воспоминания той поры?

– Конечно, согласен. Вспоминается такой случай. Дело было на Волге, в поселке Решма. Закончилась практика. В школьном пруду в это время разводили карасей. Двое наших одноклассников три дня и три ночи плели сети, и потом за ночь мы вытестили этот пруд. Из этой рыбы мы сварили молочную карасевую уху прямо на берегу Волги – состоялся большой праздник. Конечно, поступок нехороший, но зато есть что вспомнить...

– Сохранились ли у Вас дружеские отношения с одноклассниками?

– Конечно. Не со всеми, но со многими.

– Во время учебы и после Академии художеств Вы ездили на Академическую дачу.

БРАВО

ЗОЛОТОЙ ОРФЕЙ

21 ноября в БКЗ «Октябрьский» состоялся юбилейный концерт знаменитого певца, заслуженного артиста России, профессора Герценовского университета Альберта Асдуллаева.

Масштабным юбилейным концертом «Дорога и музыка» на одной из лучших площадок города Альберт Асдуллаев отметил свое 70-летие и 45-летие концертной деятельности. Альберт Нуруллоев, помимо насыщенной творческой работы на эстраде и в театре, осуществляет успешную преподавательскую деятельность на кафедре сольного пения института музыки, театра и хореографии РГПУ им. А.И. Герцена.

Среди многочисленных слушателей концерта были студенты и сотрудники Герценовского университета, в том числе президент РГПУ им. А.И. Герцена Геннадий Бордовский. От лица вуза коллегу поздравил директор института музыки, театра и хореографии Ирина Аврамова. Примечательно, что в программе приняли активное участие студенты кафедры сольного пения. Отдельным номером прозвучал дуэт Альберта Асдуллаева и Том Чан, аспиранты Герценовского университета. Яркий этнический блок индийских, ирманиских и русских песен озвучила группа

«Вино и фрукты», холст, масло, 2013.

Д.А. Левитин с выпускницами Любовью Гудилиной и Оксаной Каравановой. Общим художник продолжает быть творческим наставником даже после окончания вуза.

«Дом моего детства», холст, масло, 2007.

«Время заката», холст, масло, 2010.

цент кафедры рисунка РГПУ им. А.И. Герцена – прим. авт.), Наташа Пушкина. Мы там были как на практике – дружная компания, днем по-работам, вечером вместе отдыхаем. Очень хорошо было! Как будто повторили свою молодость. В Италию мы ездили только в качестве туристов, всего на 12 или 10 дней. Тогда никакой этюдник я не брал, хотелось посмотреть Уффици, Сикстинскую капеллу, Ватикан. Хотел бы еще раз съездить.

– Портретная живопись имеет особое значение в Вашем творчестве; особенно выделяется работа «Портрет Соши». Вероятно, Ваша маленькая дочка не могла долго сидеть на месте, пока Вы писали портрет. Приходилось писать «ля прима или эсе-таки писали многоазисом?»

– Конечно, но она могла терпеливо сидеть. Я гонялся за ней, ругался, заставлял, обещаю что-то купить... Она, бывало, всплакнет. Но что поделать, искусство требует жертв! За один раз редко получается сделать работу целиком, обычно это происходит в несколько сеансов. Исключения – небольшие этюды размером 40 на 50 см. Оригинал «Портрета Соши», который хранится у меня, одна моя знакомая московская журналистка назвала «Деткой подземелья». Портрет очень грустный, видимо, у меня в голове, постепенно, будучи в постоянном покое.

– Вы делаете плевзные поездки по России и за рубеж. Какая из них стала наиболее запоминающейся?

– На самом деле, я не так много ездил. Я люблю Крым. Вaley судьбы в начале 2000-х мы ездили в Германию с очень хорошей компанией: Юрий Васильев, Андрей Корольчук (до

«Пенек над Сухоной», холст, масло, 2012.

«Пенкун после дождя», холст, масло, 2004.

именно Вы размещаете краски? У кого-то есть свой порядок расположения, как нас научили в школе. Как вдруга переходит от желтых к оранжевому, к красным, через фиолетовый – к синим, зеленым. Контрастные краски не должны находиться рядом. Желательно еще по тону разложить.

– Есть ли у Вас любимые цвета, которые вы часто используете в своих работах? К сожалению, да. Я пытаюсь отказаться от фиолетового. Я чувствую, он начинает «бежать» по всем работам. Я горжусь одним своим зимним пейзажем, он вообще написан без фиолетового и почти без синего. У меня синие краски раскиснуты со страшной силой...

– Дмитрий Анатольевич, перед тем как приступить к большой картине, Вы делаете подготовительные работы. Как я понимаю, Вы не все этюды воплощаете в большой размер?

– Конечно, не все. Этюд может висеть на стене года два, три, пять. Иногда с одним из них внезапно возникает желание его на большой размер перенести, а другой переносить не хочется. Это идет изнутри. Ты должен увидеть картину сначала в голове, а потом сделать ее на холсте.

– Пробовали писать картину «ля прима или эсе-таки» и частично по памяти, но уже в мастерской?

– Да. В основном так и бывает. Здесь такая штука. Вот я пишу работы по этюдам и по памяти, одну за другой. И мне становится скучно. Хочется уже с натуры что-нибудь писать. Тогда, если позволяет время, я рисую с натуры, если нет – ставлю натюрморт. Попишу с натуры – потом хочется «вспоминать». Большие пейзажи я с натуры не пишу; считал, для меня это невозможно. Каждый день природа разная, даже солнце не бывает одинаковым – то ясное, то пасмурное. Только один мой пейзаж был написан с натуры.

– Выявляете довольны проделанной работой? По-разному. Бывает, проспяюсь и думаю, глядя на работу: «Дима, какой ты молодец! Как хорошо сделал! А бывает, в другом настроении: «Боже ты мой, зачем же ты жизнь свою загубил, надо было чем-то другим

заниматься...» Но знаете, говорят, всегда быть собой довольным может только глупец.

– Возвращаетесь ли Вы вновь к написанным картинам? Как часто это происходит?

– Да. Например, я написал лет в назад одну женщину и собирался написать, без натуры уже. Время прошло, я вижу, что не так – работа вялая по цветам, и я знаю, что еще поделать. Может, я ошибаюсь, но попробую. Иногда возвращаюсь к большим пейзажам.

– Какие из своих работ Вы считаете самыми значительными?

– «Утро Земли» – к ней я отношусь с уважением; маленький этюд, написанный в Устье; «Красный дом» в Германии. Со временем меняются приоритеты: одно время считал, что-то незначительное, а потом проходит 5 лет, пересматриваешь работу, думаешь: «О, почему раньше я не обращал внимания на эту картину». А к тому, что раньше нравилось, относиться по-другому. Время идет, взгляды меняются, с этим ничем не поделаешь – это нормально.

– Вам, наверное, тяжело расставаться с работами?

– Тяжело, конечно. Каждая картина связана с каким-то периодом в жизни. Это с одной стороны. Но с другой – если люди купили полотно, значит, оно будет их радовать и не пропадет в безвестности.

– У Вас было несколько персональных выставок. В будущем планируете поработать своими работами?

– Пока не знаю. Я не хочу показывать все, я бы выставил картин 15–20. Самые хорошие, что есть.

– Недавно в Союзе Художников состоялась презентация книги Вашего отца «Портрет художника на фоне эпохи. Эссе о протраже биографическое сочинение. Скажите, Вы рады успехам своего отца? Какое значение это событие имеет для Вас? – Конечно. Приятно, что твой папа остался в истории искусства. Его работы находятся в Русском музее. Он передад дух времени, дух эпохи социализма – важной вехи и истории нашей страны. Я горжусь папой!

Беседавала Оксана Караванова, выпускница факультета изобразительного искусства РГПУ им. А.И. Герцена